

Провинция у моря

Таврическая
губерния, раскопки
и убийство

Дарья Кузнецова

Дарья Кузнецова

Провинция у моря

Серия «Маги Российской империи»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74630766
ISBN 978-5-04-256431-4

Аннотация

Альтернативная Российская империя. Новое дело в цикле «Имперская картография»!

1923 год, Таврическая губерния.

В новой археологической экспедиции графу Филиппу Гурьеву улыбнулась удача: здесь был найден старый город и даже развалины древнего храма. Но вскоре на раскопках начинают происходить странные события: отравления, взрывы, диверсии – а затем и покушение на убийство.

Полицмейстер Александр Шуховской решает лично разобраться в случившемся. В конце концов, начало осени в Тавриде – прекрасное время для отдыха у моря. Если бы только не тревожные предчувствия...

Кто пытается помешать раскопкам? Шуховской понимает, что расследует уже не просто дело о мелком вредительстве и суевериях: археологам грозит настоящая опасность.

Содержание

Пролог. Ничего не происходит без причины	6
Глава 1. Один ум хорошо, а два – лучше	11
Глава 2. Покажи мне своего друга, и я скажу тебе, кто ты	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дарья Кузнецова

Провинция у моря

Иллюстрация на переплете – Mary Iv (Марии Ивановой)

© Кузнецова Д. А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог. Ничего не происходит без причины

*Τίποτα δεν γίνεται χωρίς αιτία.
Αριστοτέλης
(Аристотель, философ)*

8 сентября 1923 года, Петроград

До войны, при жизни родителей, совместные завтраки в семействе Титовых были доброй традицией в любой день, будь то праздник или середина заурядной недели. Отец никогда не брал за стол газету, и семья делилась планами, мыслями, тревогами – теми, которые уместно обсуждать за завтраком. Потом...

Не стало отца, зачахла от горя мать, Натан ушёл на фронт, и сёстры остались вдвоём. Они старались проводить вместе ещё больше времени, это позволяло одолеть горе и притупить страх. Ольга и Анна любили друг друга, но того светлого чувства из детства обе испытать не могли. Не так уж много осталось от их семьи, времена не те, где взять прежнюю беспечность!

По счастью, брат вернулся живым, в госпитале его поставили на ноги, и понемногу Титовы – вместе со всей страной

– вернулись к обычной жизни.

После отставки по ранению брат перевёлся на службу в сыскную полицию, неплохо зарекомендовал себя там, да и дело это нашёл чрезвычайно интересным. Анна поддразнивала: она с ранней юности стремилась стать судебно-медицинским экспертом, и хотя семья такого решения не одобряла, но своего упрямая барышня добилась. Натан негодовал даже больше родителей – и вдруг вот, почти коллеги. Уже не очень-то поругаешься: Анна хотя и молодой, но весьма толковый специалист, в бюро судмедэкспертизы её ценят.

Как старшая в их маленькой семье, Ольга старалась вернуть любимый с детства обычай утренних разговоров, но выходило плохо: всем троим служба порой не позволяла встретить утро в родных стенах. Причём, как ни обидно это сознавать, наиболее злостной нарушительницей была она сама. Если Анна с Натаном не ночевали дома только в дни дежурства, то старшая сестра порой пропадала в рейсах по неделе, а то и больше. Штурман грузового дирижабля не может позволить себе оседлости, и это был, пожалуй, единственный недостаток любимого дела.

Сегодня выдался тот редкий и особенно прекрасный день, когда никто из троих не спешил, поэтому завтрак вышел обстоятельный и душевный. Не каждодневная традиция, но... Может, так даже лучше! Тем ценней каждое подобное утро.

– Вы представляете, – поделилась Ольга за чаем, – нас отправляют в Тавриду, притом едва ли не на месяц!

– Не вижу повода для печали, сейчас самое время, – улыбнулся брат. – Говорят, в сентябре там чудесная погода.

– Возьми с собой Натана, – искоса глянула на него Анна, младшая из троих. – Вот уж кому сам Бог велел в те края выбраться по осени!

– Только меня туда никто не отправляет, – с иронией отозвался тот. – Да и какая мне Таврида, когда в части два убийства и серия краж? Да и Шуховской наш куда-то отбывает на несколько дней, на нас вся ответственность – не посрамить честь мундира и не подвести начальство.

– Можно подумать, в его отсутствие в вашей службе что-то изменится!

– Жаркову это объясни, – рассмеялся Натан. – Он уж скоро плешь проест со своими переживаниями. А ты – в Таврию!

Анна не смогла возразить решительно и по делу, но всё равно проворчала нечто недовольное про его здоровье и подходящий климат. Петроградское лето в этом году выдалось типичным, август щедро поливал дождями, а сентябрь так и вовсе принёс решительную и бескомпромиссную осень – уже неделю безостановочно мелко моросило. Последствия ранения давали о себе знать, так что Натан в этакую сырость отчётливо хромал, но изо всех сил старался не замечать и бодриться. Но разве сестру, жівницу, да ещё с медицинским образованием, проведёшь?

– Оля, а почему так надолго? – спросил он, заминая

неприятную тему. — Это лучше, чем если бы вас в Архангельск отправили или вовсе куда-то в Петропавловск, но всё равно...

— История совершенно нелепая, — отозвалась она. — Вы же помните графа Гурьева?

— Гурьева? — нахмурился Натан.

— Это такой долговязый чудак? — припомнила Анна. — Он вроде бы историей увлекается.

— Точно, а ещё у него несколько больших заводов, — сообразил брат. — Станкостроительный в Тверской губернии, верфь в Севастополе, весьма приличная верфь в Кронштадте, у нас тут неподалёку. — Насколько Натан мог судить, хозяином граф был толковым и рачительным. Рабочие держались за места, жалованье получали достойное, при верфи была неплохая больница, а слободка и вообще её район очень редко доставляли беспокойство полиции. — И история, верно! Несколько лет назад большая кража была в этнографическом отделе Русского музея, он там как независимый эксперт выступал. То-то я думаю, имя знакомое вовсе не в светском ключе...

— Вот в историю свою он нас и втянул, — улыбнулась Ольга. — Раскопки у них там какие-то, он пожелал, чтобы мы постоянно под рукой были. Благо Гурьев не скупится, говорят, даже вышку временную где-то там рядом соорудили.

— Интересно, зачем ему дирижабль? — удивился Натан. — Раньше же как-то удавалось обойтись без...

– Может, рассчитывает на грандиозное открытие и много чего хочет быстро в Петроград отвезти? – Сестра легкомысленно пожала плечами. – У богатых свои причуды. Как наш Максим Сергеевич говорит, платят хорошо и по времени, а солдат спит – служба идёт.

– Не забывай писать, оттуда же должна почта ходить! – попросила Анна. – И телеграмму отбей, как только доберёшься.

– Слушаю и повинуюсь! – рассмеялась Ольга. – Каждый день не обещаю, но там как будто совсем недалеко от Севастополя и не вовсе уж глушь, думаю, весточку отправить выйдет. Натан, ты ведь поможешь мне собрать вещи? Там обещают жизнь в палаточном городке, а я представления не имею, что там может понадобиться!

– Разумеется, помогу. Но я не думаю, что там будет уж слишком дико, – заверил Титов. – Если Гурьев даже причальную вышку построил, то и лагерь будет со всем необходимым, нынче масса удобных вещей придумана, способных облегчить жизнь. Когда вы отправляетесь?

– Во вторник вроде бы, одиннадцатого, так что времени достаточно.

– Чудесно, сегодня и займёмся, как раз у меня выходной.

Глава 1. Один ум хорошо, а два – лучше

Ένα μυαλό καλό, αλλά δύο καλύτερα.
(Пословица)

2 сентября 1923 года, Петроград

Филипп никогда не любил оперу. Наследник старого графского рода получил разностороннее образование, к искусствам его тоже приучали, но коли от рождения не досталось ни музыкального слуха, ни чутья, ни малой толики таланта, впрок наука не пойдёт. При большом желании можно было бы добиться приличного результата, тем более упорства Гурьеву хватало с лихвой, вот только и любви к музыке он особой не питал. То ли дело театр! Постановки, в которых люди почти волшебным образом перевоплощались в других людей, да ещё каждый раз новых, зачаровывали его с детства, с того маленького домашнего театра, который держала матушка в родовом гнезде и в постановках которого сама не гнушалась участвовать.

Однако человек, увы, далеко не всегда делает то, что ему по нраву, даже если он богат и знатен. Помимо множества се-

мейных дел, отец оставил Филиппу и семейное чувство ответственности, поэтому к обязанностям своим молодой граф относился с похвальной старательностью. Он сумел совершить невозможное, научившись совмещать продиктованные титулом и владениями обязательства с любимым делом, но на большее рассчитывать не приходилось.

Сегодняшняя премьера была данью светским повинностям: как бы ни чурался их Гурьев, но всё же долг велел порой являться в обществе. Театр почтил своим присутствием государь с семейством, и хотя приглашения в императорскую ложу Филипп, к собственному облегчению, не получал, от посещения его это не освобождало, тем более что у Гурьевых имелась своя ложа. Покойная графиня, в отличие от сына, обожала музыку, и при её жизни та пустовала нечасто.

С этим визитом в театр Филиппа примиряли два обстоятельства. Давали «Царя Эдипа» Стравинского¹, а самой большой страстью Гурьева была история, и больше всего прочего – история Древней Греции. Трагедию Софокла он знал прекрасно, любил, как и многие другие античные произведения, и на такой основе мог вытерпеть даже ненавистный жанр. Тем более поставили красиво, с большим размахом, а что он порой досадливо морщился на самых впечатляющих ариях – так в сумраке зала всё равно не видно.

¹ В действительности премьера оперы в театральном исполнении состоялась только в 1928 году в Вене, однако в отсутствие революции и при несколько ином ходе Великой войны она вполне могла бы появиться на свет раньше.

А ещё в кои-то веки Гурьев по доброй воле пришёл в театр для того, для чего являлось сюда большинство знатных бездельников: встретиться и поговорить с нужными людьми. Человеком, совершенно определённым, которого Филипп пригласил в свою ложу – и с трудом дотерпел до перерыва. Он надеялся поговорить до начала, но гость едва не опоздал, пришлось дожидаться антракта.

Наверное, куда разумнее было бы встретиться с этим человеком тайком, но подобных свиданий Гурьев никогда не устраивал и боялся опростоволоситься, а пригласи к себе – кривотолков не оберёшься. Весь свет прекрасно знал, что граф-чудак не жалует гостей и никого не зовёт, и показалось куда более благоразумным встретиться на нейтральной территории. Конечно, здесь они тоже на виду, но подобная обстановка всё равно показалась более правильной и привлекающей меньше внимания.

– Филипп Осипович, поделитесь уже, что вас так тревожит? – заговорил гость, когда занавес опустился, зажёгся свет и великолепный зал Мариинского театра наполнился оживлённым гулом голосов.

Конечно, нервозность Гурьева он заметил. Шуховской Александр Александрович не просто так занял пост начальника столичной сыскной полиции, проницательности и наблюдательности ему было не занимать. Почему и обратиться Филипп решил именно к нему, не надеясь на собственные силы.

– Это было заметно? – смутился граф.

– Вы дырку в них скоро протрёте! – Александр с выразительной насмешкой взглянул на очки, которые Гурьев нервно протирал платком. Наверное, уже сотый раз за время представления.

Филипп пробормотал под нос что-то невнятное, извинился, попытался надеть очки и едва не ткнул себя дужкой в глаз, опять извинился...

– С вашего позволения, господа, отлучусь припудрить носик, – понятиво улыбнулась супруга полицмейстера.

Мужчины немедленно поднялись с мест, причём Филипп выронил очки. Пока поднимал, Шуховской открыл для супруги дверь. Агата Германовна бросила на молодого графа сочувственный взгляд, коснулась руки мужа и просительно улыбнулась. Женаты они были уж больше тридцати лет, так что прекрасно понимали друг друга без слов. Впрочем, даже без напоминаний супруги Александр Александрович был настроен помочь Гурьеву – если это в его силах.

– Мне весьма неловко, но, боюсь... – начал Филипп через минуту, когда оба вернулись в кресла, а очки заняли своё место на графском носу.

Однако договорить вновь не удалось. После короткого топотливого стука дверь в ложу распахнулась, являя незваного гостя. Рослый, солидный господин лет пятидесяти, с лоснящимися усами и в безупречно сидящем смокинге, распахнул объятия, явно приглашая графа в них упасть, словно старого

друга.

– Филипп Осипович, дорогой, как давно вас не было видно! Всё в делах? – Голос у гостя был под стать наружности – сильный, звучный, словно в ложу явился не зритель и титулованный дворянин, а один из певцов.

– Здравствуйте, Сергей Борисович, – кисло отозвался Гурьев. Будто бы по рассеянности не вышел из-за кресла, протянул руку для приветствия через спинку – а гость и виду не подал. Будто так и надо, схватил ладонь обеими руками, энергично потряс. – Познакомьтесь, его сиятельство князь Коркодинов Сергей Борисович, а это добрый друг моего отца, Александр Александрович...

Худошавый, немного сутулый, он был на целую пядь выше немаленького князя, но тем превосходство и ограничивалось. Филипп выглядел рядом с гостем бедным родственником. Он и так не отличался красотой и статью, а благородный вечерний наряд, кажется, ещё больше уродовал беднягу. Мало было пошить смокинг у хорошего портного и правильно посадить, его ещё и носить надо было уметь! Увы, с этим у него обстояло ещё хуже, чем с музыкой.

– Ну что вы, без титулов! Очень приятно познакомиться, сударь. – Коркодинов с той же энергией потряс руку Шуховского, без приглашения уселся в кресло. – Говорят, вас можно поздравить, Филипп Осипович?

– Мой день ангела в марте, а в остальном – не представляю, о чём вы. Никто до вас с поздравлениями не спешил,

верно, и незачем.

Шуховской за разыгрывающимся представлением наблюдал с куда большим интересом, нежели за оперой. Эта, уже знакомая, перемена в Гурьеве, всегда его восхищала. Только что искренне мялся, а вдруг – откуда что берётся! – и решительность, и чувство собственного достоинства, даже ирония. И уже легко поверить, что этот человек успешно управляет заводами и верфями. Неловкий в личном, когда доходило до истории или денег, Филипп проявлял поразительную твёрдость.

– Вы, как всегда, сама скромность, – рассмеялся шумный князь. – А как же блестящие уникальные находки?

– Находки? – недоумённо нахмурился Филипп.

– Ваши раскопки в Таврии нынче, говорят, особенно удачны, – пояснил Коркодинов наконец понятно. – Будто бы полны сенсациями.

– Ах, вы об этом... – Гурьев натянуто улыбнулся, но ответил обстоятельно: – Пока трудно говорить определённо, но да, такой старый город – нечто феноменальное по своей природе. Уже доподлинно можно утверждать, что поселение непрерывно обиталось ещё с греческих времён. Существует немалая вероятность, что там жили и скифы, и даже тавры. В старинных перекопах находятся следы, которые позволяют судить...

– И наверняка масса ценностей, да? – прервал князь, лучась дружелюбием.

– В этом нам тоже чрезвычайно повезло. Например, недавно удалось отыскать великолепный пифос, абсолютно целый, и даже аккуратно извлечь его из земли. Надеюсь, получится и до Петрограда довести в сохранности.

– Это восхитительно! – воодушевлённо поддержал Коркодинов. – Мне бы очень хотелось помочь вам в этом благом деле.

– Что вы имеете в виду? – осёкся Гурьев и снова поправил очки.

– Всё просто, я бы хотел поддержать денежным вложением ваши раскопки. Прекрасно знаю, насколько сложное и дорогостоящее это дело, а вы и так много жертвуете на благо науки, – с благодушной улыбкой пояснил князь. – Насколько я понимаю, раскопки эти – очень надолго, город большой и старый, к чему вам одному тянуть лямку?

– Не стоит беспокоиться, уверяю, – спокойно и твёрдо отказался Гурьев. – Когда брался за это дело, я понимал, что оно весьма небыстрое.

– Но можно ведь сократить время! Больше денег, больше людей...

– Больше вопросов, как их разместить, куда вывозить отработанный грунт, где взять достаточно знающих и опытных специалистов, – решительно возразил Филипп. – Нет, боюсь, Сергей Борисович, это утопия. Благодарю за ваше щедрое предложение, но вынужден его отклонить. Но если вы непременно желаете заняться археологическими раскопками, то

я могу посоветовать вам обратиться в Русское археологическое общество. Профессор Кондаков, его председатель, человек огромного опыта и знания, он непременно найдёт на что употребить ваши щедрые пожертвования!

– Но, говорят, на раскопках какие-то неприятности, – вкрадчиво продолжил он.

– Уверяю, ничего серьёзного, – отмахнулся Гурьев. – Подобные сложности сопутствуют любому начинанию.

Казалось, наседать Коркодинов собирался до конца спектакля, но со вторым звонком всё же ушёл несолоно хлебавши, едва не столкнувшись в дверях с Шуховской. Ему достало воспитания поклониться даме и вежливо пропустить её, пожелав получить удовольствие от музыки.

– Простите, Александр Александрович. Я не ожидал, что он явится... – покался Гурьев.

– Совершенно точно вашей вины в этом нет. Да и знакомство это показалось мне... занятым. Но всё же, полагаю, нам действительно требуется поговорить.

Александр с большим интересом понаблюдав за попытками незваного гостя втянуть графа в какую-то авантюру. В предмете он не понимал совершенно, но зато наловчился разбираться в людях и чуял в этом князе мошенника. Наверное, в самом деле князя, но оттого не меньшего афериста. Гурьев отбилсЯ весьма решительно и стойко, но само этакое явление наталкивало на интересные предположения, зачем бы графу понадобилась встреча с полицмейстером. Упоми-

нание проблем на раскопках тоже заставило навести уши – уж не по этому ли поводу Александра пригласили в театр?

– Я не помешаю? – встревожилась Шуховская.

– Никаких секретов и ужасов, – слабо улыбнулся граф. – Мне нужен только совет и, быть может, незначительная помощь. Иронично, что всё это напрямую связано с визитом Коркодинова. Видите ли, сейчас в Таврии...

Упоминания о небольшом греческом городе Парфенополисе – или большой усадьбе, тут мнения разнились, – затерянном в горах к северо-востоку от Херсонеса, встречались ещё у Страбона, Плутарха и Плиния. Примечателен он был тем, что место это считалось священным со времён древних тавров. Согласно свидетельствам античных историков, дикари полагали, что именно туда снизошла их великая богиня Дева, которую греки называли Орсилохой. Там она спала на каменном ложе, там благословила безжизненную до её появления землю. Когда богиня покинула полюбившуюся скалу, она оставила людям чудодейственный родник, дававший жизнь всему полуострову.

Большинство исследователей полагали это место мифическим, но Гурьеву легенда не давала покоя, он упорно, как умел, копал. Упоминания благословенного города-храма нашлись у множества других авторов начиная с времён расцвета Херсонеса. О нём писали арабы и генуэзцы, даже татары чтили поселение «в ладонях Аллаха над Кара-яйлой», утверждая, что много лет назад там жил один благочестивый

и мудрый ходжа, и спорили за него с местными греками – но ни разу не дошло до кровопролития, как это ни странно. Со временем, впрочем, в окрестностях остались только несколько татарских деревень, греки перебрались ближе к морю.

По словам жителей этих деревень, «ещё их деды помнили, когда в том городе жили люди», а опустел он в прошлом веке, во время Крымской войны. Гурьев собрал разрозненные и противоречивые сведения и предположил, что все они повествуют об одном и том же месте.

Рассказ прервал третий звонок, и Шуховской, заинтригованный, вполголоса обратился к супруге, коснувшись её локтя:

– Агата, дорогая, боюсь, мы вынуждены на некоторое время оставить вас, чтобы не мешать наслаждаться музыкой.

– Ступайте, я справлюсь с этой тяжёлой повинностью в одиночестве. – Она с улыбкой накрыла его ладонь своей.

Сейчас коридоры театра выглядели странно. Звуки музыки доносились сквозь двери, но причудливо искажались. Отдельные ноты и инструменты звучали пронзительно и ярко, другие – совершенно гасли, а от третьих, казалось, подрагивал пол под ногами.

В буфете в это время тоже было не таклюдно, как в антракте, но хватало тех, кто предпочитал слушать оперу в тёплой компании за бокалом. За одним столиком несколько мужчин что-то оживлённо обсуждали под коньяк, порой взрываясь хохотом – но немедленно смущённо понижая го-

лоса. Полуотгороженная шпалерой, увитой комнатным плющом, ворковала у окна влюблённая пара. Юная барышня на-верняка сбежала от сопровождения – и ни о чём не жалела.

Гурьев взял себе крепкий кофе и тарелочку маленьких пирожных – когда волновался, его всегда тянуло на сладкое, – а его собеседник ограничился китайским чаем, который оказался весьма недурным.

– Продолжайте, Филип Осипович, вы остановились на поисках.

Гурьев мысль не потерял и без напоминания, поэтому заговорил уверенно.

На выяснение всех деталей и поиски места, которое могло оказаться легендарным городом, включая археологическую разведку, ушло несколько лет. Филиппа бы воля, он бы сам скакал по горам и опрашивал чабанов да стариков в деревнях, но подобного он себе позволить не мог. Сказать кому, что Гурьев устроил верфь в Севастополе лишь с тем, чтобы чаще бывать в Таврии, – поднимут на смех.

Впрочем, граф обладал своеобразной репутацией, и общество могло принять на веру любое самое безумное объяснение самого невероятного его поступка. Никто даже не удивится, только светские острословы придумают ещё несколько нелепых прозвищ. «Чудак» и «книжный червь» из них были самыми заурядными, но прилипчивыми, а краткоживущие Филипп и считать не пытался, не то что запоминать. Разве что некоторые особенно затейливые вроде Кощея, Ми-

даса и – блеснул же кто-то остроумием! – князя Мышкина.

В прошлом году Гурьев сумел определиться с местом и взялся за раскопки, благо крымская погода позволяла не бросать их почти весь год. Предполагаемый Парфенополис – Филипп предпочитал использовать это название не только из любви к греческой истории, но и как самое раннее по упоминанию в источниках, – находился в горах, но невысоко, снег там не выпадал, и, хотя зимой было достаточно холодно и ветрено, раскопкам это не мешало.

Всё это, конечно, дело не быстрое. Оценить масштабы, привезти и устроить всё нужное, понять, как и куда сваливать отработанную землю, где разместить лагерь, сколько необходимо человек. Потом снять стерильные напластования...

– Простите, что снять? – Опешил Шуховской.

– Прошу прощения, это терминология. – Граф смешался. – Бесплодная почва... То есть, извините, грунт, в котором нет следов человеческой жизнедеятельности. Ветер заносит песком и прочим мусором останки жилья, и порой это весьма быстрый процесс.

– Спасибо, продолжайте.

Всё шло спокойно, в соответствии с планом. За основу Гурьев взял квадратно-послойный метод раскопок, совсем недавно разработанный профессором Фармаковским во время масштабных работ в Ольвии: мощный и сплошной культурный слой, почти без стерильных напластований...

– Филипп Осипович, умоляю, давайте к делу! – перебил его Шуховской. – Я бы с радостью выслушал лекцию о том, чем этот метод отличается от всех прочих – если вы, конечно, найдёте нужным их перечислить, – но не думаю, что вам требовалось моё участие именно в этом.

– Простите! – снова смутился Гурьев. – Я непозволительно увлекаюсь, когда говорю о таких вещах...

При раскопках очень быстро стало понятно, что Гурьев нашёл именно то, что искал: свой Парфенополис. В самых поздних, уже татарских постройках в изобилии использовались камни, обработанные ещё греками и пережившие тысячелетия. Да, такие перестройки и многочисленные перекопы...

Здесь Гурьев запнулся и сам пояснил, что имеются в виду позднейшие нарушения исторических отложений при новых постройках, пару секунд помолчал, собираясь с мыслями, и наконец перешёл к делу.

Поначалу открытие представляло собой по большей части историческую ценность, и археологи работали спокойно. Но пару месяцев назад на краю поселения отыскивали остатки греческого здания, на котором не было следов позднейших построек, и, очевидно, сохранность этой конструкции по мере сил старались поддерживать до последнего. Его не нашли сразу из-за небольшого оползня, накрывшего развалины.

Как только принялись раскапывать это строение, между собой единодушно определив его как храм, на экспедицию

посыпались неприятности.

– Какого рода? – подобрался Шуховской.

– Поначалу всё выглядело как случайности. На раскопках жизнь, сами понимаете, без удобств, разное случается. Ну отравился кто-то...

– Отравился? – Собеседник озадачился.

– О нет, не в том смысле! – поспешил заверить Гурьев. – Не насмерть, обыкновенное пищевое отравление несвежими продуктами. Летом по тамошней жаре – обычное дело. Или кто-то пошёл ночью по нужде, оступился, упал и расшиб голову о камни – не смертельно, но весьма досадно. Подобные случайности неизбежны, но – ей-богу, не в таких же количествах! Всё одно к одному. И продукты оказываются испорчены, и ящики вдруг проваливаются, когда их перетаскивают...

– И вы пришли к логическому выводу, что раскопкам кто-то вредит, – кивнул Шуховской.

– Иначе придётся поверить в проклятие и происки шайтана, – развёл руками граф. – Мало не до бунта дошло, рабочие обеспокоены.

– Неужели нельзя выяснить, кто подобным занимается в таком тесном сообществе? – озадачился Шуховской.

– Не столь уж оно тесное, – возразил Филипп, – в лагере постоянно проживает почти сорок человек плюс местные. Конечно, ответственные работы выполняют опытные землекопы, но кое для чего и в окрестных деревнях приходится

нанимать людей. Все свои – достойные люди, на которых я готов положиться в деле, но...

– Но чужая душа – потёмки, – кивнул Шуховской. – И чего вы хотите от меня? Соглашусь, на случайности это всё мало похоже, но вы ведь не ради подтверждения своих догадок ко мне обратились?

– Мне нужна помощь. – Гурьев опустил взгляд и вновь принялся протирать очки. – Я смел надеяться, что вы самостоятельно возьмётесь за это дело, но понимаю, что при вашем чине не с руки отвлекаться на подобные мелочи... Может, вы хотя бы посоветуете подходящего человека? Кого-то, кто отошёл от дел, но способен заинтересоваться и разобраться? Разумеется, я оплачу беспокойство!

– Я подумаю, – пообещал Александр Александрович, – а пока расскажите, кому может быть выгодно прекращение ваших работ?

– Ума не приложу! – Филипп всплеснул руками, едва не опрокинув чашку, благо она была почти пустой, с остатками кофейной гущи. – Это просто старый город. Да, с точки зрения истории и науки это бесценный, уникальный памятник: город, который был обитаем со времён тавров, притом непрерывно, и оставлен совсем недавно. Но, кроме историков, это никому попросту не интересно! Если там и попадается что-то из ценных вещей, то это отдельные мелочи. Посчастливилось отыскать клад с монетами трёхвековой давности, ну выкрасть этот клад – может быть, но зачем экспе-

диции-то вредить?!

– А Крокодилов?

– Каких крокодилов? – опешил Гурьев настолько искренне, что Александру Александровичу стало неловко за недостойное мальчишество.

– Простите, я имел в виду Коркодинова, который явился в ложу, – пояснил он с лёгким смущением. – Князь чрезвычайно заинтересован в плодах раскопок. Как думаете, он мог подобным образом попытаться добиться вашей сговорчивости?

Филипп уставился на собеседника в глубочайшем недоумении: такой вариант явно не приходил ему в голову.

– Простите, – наконец собрался с мыслями он, – но я не знаю, что ответить. Это весьма глупый способ меня запугать, и я-то знаю, что такие препоны ничего не изменяют, но это знаю я. А с Коркодиновым мы знакомы шапочно и, признать-ся... Не имею представления, что именно обо мне болтают в его окружении.

– А он к вам прежде обращался с тем же вопросом? Или с похожими?

– Затрудняюсь ответить, – развёл руками Гурьев. – Может быть, и обращался, да я значения не придал. Теперь уже не вспомню...

– А кто он вообще такой? Что из себя представляет?

– Фабрикант, коллекционер. Владеет большим кирпичным заводом, и кирпичи у него весьма приличного каче-

ства. — Шапочное знакомство или нет, а представление о князе он имел внятное и цельное. — Собирает произведения античности, у него есть несколько подлинных греческих скульптур.

— А каким образом он составляет свою коллекцию?

— Слухи ходят разные, но они обо всех ходят! То, что я знаю, было приобретено законным образом, — нахмурился Филипп. — Впрочем, и полного его собрания я лично никогда не видел и не могу судить, насколько оно богатое и честное, так что ручаться я бы не стал. Полагаете, он может быть нечист на руку и таким образом попытаться урвать часть находок?

— Не обязательно Коркодинов, но кто-то подобный, — не стал возводить напраслину Шуховской. — Не думаю, что он один такой, а коллекционеры нередко готовы на невероятные низости ради обладания вожаденным экземпляром. Кого вы знаете из нечистых на руку любителей истории?

Чем больше Шуховской выпрашивал, тем яснее понимал: граф в этой истории не помощник. Он сделал самое благоразумное, что мог в сложившихся обстоятельствах: частным порядком обратился за помощью к сыщику. Официально жаловаться полиции смысла не было — на что! Ну творятся странности на раскопках, никто ведь не пострадал, и ещё неизвестно, был ли там какой-то умысел или правда череда совпадений.

Отмахнутся, и сложно их за это осуждать. Слишком мно-

го свершившихся преступлений и трудных дел, чтобы отвлекаться на что-то эфемерное. Вот только чутьё старого сыщика поддерживало Гурьева: всё это дурно пахло. Но чем именно?

В раскопках и древностях Александр Александрович понимал только то, что в определённых кругах за эти приветы из древних могил готовы платить баснословные деньги. Гурьев, конечно, заявлял, что все находки имеют только научную ценность, но он вообще редко задумывался о денежном эквиваленте вещей, которыми дорожил. Шуховской знал его не очень хорошо, но это наблюдение сделать успел.

Отвечая на вопросы полицмейстера, Филипп объяснил, что сам не может проводить на раскопках столько времени, сколько хотелось бы: дела требовали присутствия и в других местах. Принимая во внимание эти обстоятельства, начальником экспедиции он поставил своего доброго друга и товарища по учёбе, Андрея Михайловича Смирнова, и тот прекрасно справлялся.

– А что он собой представляет, этот Смирнов? – заинтересовался Шуховской.

– Великолепный знаток истории и археологических методов, если я могу кому-то доверять полностью – то только ему, – убеждённо заверил Гурьев. – Он не меньше моего обеспокоен происходящим. Если вы думаете, что Андрей может быть причастен к этим событиям, то совершенно напрасно. Он первый настаивал на том, чтобы я отыскал тол-

кового человека во всём разобраться, и кое-какую охрану я собираюсь устроить по его же настоянию.

Александра подобная горячность не убедила, а только возбудила подозрения, которые он, однако, озвучивать не стал.

– И какая ему выгода во всей этой деятельности? Кроме денег, которые вы наверняка платите.

– Вы напрасно за него ухватились, – нахмурился Гурьев. – Андрей – начальник экспедиции, по нашему договору именно его имя будет стоять на всех публикациях, которые увидят свет по результатам раскопок. Всё равно это в куда большей степени его работа, а у меня банально недостаточно времени на серьёзные исследования.

– И тем не менее честь открытия древнего города принадлежит именно вам, – возразил Александр спокойно. – Впрочем, я не утверждаю, что это дело его рук, не сердитесь, но он выходит наиболее осведомлённым в творящемся на раскопках лицом, не так ли?

– Наверное, – нехотя признал Гурьев.

– Вы упомянули охрану...

– Ничего серьёзного, просто пара человек с военным опытом, – заверил Филипп. – Из охраны верфи здесь, и кое-кто из севастопольцев уже там, на месте. Лагерь, конечно, никто не станет оцеплять, бессмысленно, а вот посторожить склад с находками стоит, просто на всякий случай.

– Да уж, толку с той охраны, – задумчиво проговорил Шу-

ХОВСКОЙ.

— А вы полагаете, она может понадобиться? По-настоящему? — встревожился граф.

— Если вы поедете, то — да. Вообще я бы настоятельно не рекомендовал вам отправляться туда лично. Послать сыщика разбираться — отличная идея, а вот вам бы не стоило так рисковать.

— Рисковать? — Гурьев растерялся. — Чем рисковать?

— Своей жизнью, — спокойно пояснил Александр. — Вам не приходило в голову, что единственный разумный мотив подобных действий — это выманить на раскопки лично вас? Этого мало для полноценного саботажа, но вполне достаточно, чтобы вызвать ваше беспокойство и вынудить мчаться на место, спешно разделавшись со всем насущным. Что вы, собственно, и намерены предпринять.

— Но я не могу не ехать! — Гурьев поднял на собеседника почти испуганный взгляд. — Да и позвольте, ради чего меня убивать?!

— Вы меня поражаете, — укоризненно шевельнул густыми усами Шуховской. — При вашем состоянии вы ещё задаётесь подобным вопросом?

— Ах да, вы же не в курсе! — опомнился Филипп. — Вскоре после... принятия титула я немедленно составил завещание. Внезапная гибель отца... — Он запнулся, вздохнул, но продолжил: — Отец был крепким человеком и должен был прожить ещё долго, ну да вы знаете лучше меня. Но он по-

гиб. Меня это тогда настолько впечатлило, что я поспешил оставить последнюю волю, как только во всём разобрался. Так вот, за вычетом скромного содержания, причитающегося дядюшке, и пенсии слугам, все капиталы и производства отойдут государству, а всё прочее – музеям. Русскому, многое – Херсонесскому и кое-каким другим.

– У вас есть дядя? – настала очередь Шуховского удивляться.

– Да, брат отца, дядя Ефим. Он живёт в небольшой усадьбе в Таврии, подле Фороса. И вот его точно не в чем подозревать! – поспешил заверить граф. – Ефим Дмитриевич ни в коем случае не заинтересован в моей смерти. Вы просто не имели удовольствия с ним познакомиться! Более тихого человека, полностью довольного своим бытом – и способного довольствоваться малым, – вы в мире не встретите!

– Не горячитесь, Филипп Осипович, – мягко урезонил его Шуховской. – Я никого ни в чём не обвиняю.

Хотя данная дяде характеристика тоже возбуждала подозрения. «Довольствоваться малым» плохо сочеталось с жизнью в усадьбе, да и... Знал Александр таких вот скромных родственников, всем довольных. А потом убийства расследовал. Постоянное же проживание этого «безобидного» дяди неподалёку от места раскопок превращало его в одного из первых подозреваемых, несмотря ни на завещание, ни на почтенный возраст.

– Я понимаю, но это даже звучит безумно! Само упоми-

вание дяди в связи с этими происшествиями и тем более – боже упаси! – попыткой моего убийства.

– И тем не менее, если вы обращаетесь к доктору, вы намереваетесь следовать предписанному лечению, не так ли? – продолжил Шуховской строго. – Кто бы ни пытался во всём этом разобраться, он станет задавать неудобные вопросы – иначе грош ему цена как сыщику.

– Простите. Вы правы. – Гурьев снова принялся натирать очки, с тоской поглядывая на незаметно опустевшее блюдечко. Пирожные были хороши, но для такого разговора их оказалось катастрофически недостаточно.

Филипп рассчитывал разоблачить хулигана, а не искать человека, планирующего покушение на его жизнь. Мысль о том, что на самом деле его собираются убить, отказывалась помещаться в голове, но всё же не настолько Гурьев был не от мира сего, чтобы вслух отрицать возможность подобного и уверять, что все люди – братья, добрые и любящие. Филипп знал историю, а история знала много смертей и предательств гораздо более трагических и безжалостных.

Да, это всего лишь догадка, но Шуховской озвучивал её так решительно! Опыта у полицмейстера достаточно, наверняка понимал, о чём говорил, и, если даже это неправда, обратить внимание на возможных недоброжелателей действительно необходимо.

Но убить его?! Господи, да кому такое вообще в голову могло прийти!

– Когда вы намерены отправиться туда? И главное, как? Путь неблизкий!

– О, об этом не беспокойтесь, я возьму дирижабль, – пояснил Гурьев. – По горным тропкам не больно-то наскочешь-ся, какие-то объёмные экспонаты не вывезешь, а хочется их сохранить.

– Погодите, но вы же говорили, что раскопки в горах?

– Это ведь не Большой Кавказский хребет, – улыбнулся Филипп. – Поблизости нашлось подходящее плато, там возвели временную вышку – как раз для небольшого дирижабля. Капитан Дедушкин – человек бывалый, опыт посадок в сложных условиях имеется.

– Это не тот ли Дедушкин, который, собственно, пересёк Большой Кавказский хребет и фотографировал Эльбрус? – сообразил Шуховской, где слышал эту фамилию. – Пару лет назад было много шуму в газетах.

– Именно. Сейчас, впрочем, как он сказал, гонка за рекордами утомила, поэтому идею немного отдохнуть в Таврии в самое прекрасное время года Максим Сергеевич воспринял с воодушевлением. Команда, конечно, совсем другая и аппарат – обычная рабочая лошадка, но он за них ручался.

– Как вы вообще его уговорили?

– А отчего это должно было представлять сложность? – озадачился Гурьев.

– Говорят, характер у него весьма резкий.

– Кто говорит? Журналисты или другие бездельники, ко-

которые относятся к талантливому авиатору словно к паяцу в цирке? – уточнил Филипп с иронией, каждый раз в его случае весьма неожиданной: даже на хорошо знакомых людей он обычно производил впечатление человека простоватого и бесхитростного. – Максим Сергеевич о них тоже весьма нелестного мнения, которым поделился вскоре после знакомства. Я честно изложил обстоятельства, Дедушкин ознакомился с картами места и чертежами вышки и заинтересовался.

– Вы весьма основательно подошли к подбору персонала, – задумчиво покачал головой Александр. – Когда планируется отбытие?

– Одиннадцатого числа, как раз должны всё снарядить.

– Хорошо, я к тому времени подыщу вам кого-нибудь, достойного доверия, – с сомнением пообещал Шуховской.

– Я бы, конечно, предпочёл, чтобы вы сами сумели выбраться, но – всё понимаю и буду благодарен за любое решение, – сказал Гурьев.

– В таком случае вернёмся в зал. Кое-что мы ещё успеем услышать.

Филипп предпочёл бы прямо сейчас уехать из театра, но это было бы невежливо – и по отношению к артистам, которые рассчитывали на более тёплый приём публики и не виноваты в нелюбви графа к высокому искусству, и к приглашённой чете Шуховских.

После разговора он, впрочем, пребывал в настолько рас-

строенных чувствах, что не обращал ни малейшего внимания на происходящее на сцене, и громкая музыка не беспокоила.

Верить в то, что его желает убить кто-то из отлично знакомых людей, не хотелось, и Филипп мысленно пытался спорить с полицмейстером, подбирая возражения. Увы, неприятная версия выглядела до отвращения логичной. Единственный вменяемый аргумент против предположений сыщика сводился к тому, что Филипп в любом случае отправился бы на раскопки лично, не сейчас – так через несколько недель, однако даже ему самому это возражение казалось слабоватым, так что и озвучивать не стал. Ему не хватало ни опыта, ни знания людей, чтобы выдвинуть другое, более приглядное объяснение происходящего.

Сорвать раскопки? Для этого как-то мелко. Выкрасть что-то под шумок? Тогда тем более глупо устраивать катавасию. А просто сотворить гадость и испортить настроение... Ну в самом деле, как можно всерьёз рассматривать подобное предположение?!

Оставалось надеяться, что Шуховской подберёт сыщика, на которого можно положиться, и расследование найдёт какую-то простую и не такую волнующую причину происходящего.

Полицмейстер тоже слушал остаток представления весьма рассеянно, хотя и питал к опере куда больше симпатии, чем граф. Рассказанные обстоятельства дела не отпускали, и

происходящее совершенно ему не нравилось – той неоднозначностью, найти которой другое объяснение так стремился Гурьев. Если с самого начала происходит что-то странное и по первому впечатлению бесцельное – жди большой беды.

Не понравилось ему и явление Крокодилова, то есть, конечно, Коркодинова – дал же Бог фамилию! Хоть Александр и видел князя всего несколько минут, но первое впечатление составить успел. Не в пользу нового знакомого. Возможно, он всегда так самоуверен и напорист, но всё равно не отпускало ощущение, что о раскопках он знает куда больше, чем положено случайному обывателю и даже обывателю, интересующемуся предметом.

Определённо, он следил за раскопками Гурьева намеренно, и уж точно не из простого любопытства. Насколько был нечист на руку и на какие меры готов ради своей цели – об этом судить Шуховской не брался, но привычно подозревал худшее. Стоило выяснить о князе побольше, равно как и о Ефиме Гурьеве, о чьём существовании Александр до сих пор не догадывался, и об археологе Смирнове – тоже. Да и экстравагантное завещание Гурьева стоило бы проверить, насколько оно достоверно и есть ли у кого-нибудь возможность его успешно оспорить.

Стоило расспросить графа и о других родственниках, но – не сейчас, пусть для начала свыкнется с несовершенством мира и примет возможность готовящегося покушения. Хотелось верить, что здравомыслие не изменит Гурьеву в этих

обстоятельствах и он не начнёт сопротивляться очевидному и отказываться следовать советам сыщика.

Кое в чём, конечно, он уже упёрся, а именно в желании всё же отправиться в Таврию, но тут Шуховской и не настаивал. Не потому, что вошёл в положение увлечённого археологией графа. Если кто-то действительно вознамерился его убить, то отсутствие Гурьева на раскопках едва ли переубедит злодея и заставит отказаться от планов. Сейчас хотя бы понятно место, и народу там не так уж много, все знакомые, чужое лицо мигом заметят. Да и подозрения имеются, поэтому есть надежда предотвратить трагедию. Если же граф не полетит, злодей затаится, и Бог знает, когда и как нанесёт удар! Всего не предусмотреть, а если задаться целью – убить можно кого угодно, как бы его ни охраняли.

Хорошо, что Филипп Осипович обратился к нему заранее, можно успеть навести справки, а там уже решать, как поступить и кого отправить в Таврию.

Глава 2. Покажи мне своего друга, и я скажу тебе, кто ты

*Δείξε μου τον φίλο σου να σου πω ποιος είσαι.
Ευριπίδης
(Еврипид, драматург)*

11 сентября 1923 года, Петроград

Столичный воздушный порт построили на Пулковских высотах подле одноимённого села, достаточно близко к Петрограду, но и достаточно далеко, чтобы могучие цеппелины дальнего следования не мешали городу, а город не мешал им маневрировать во время причаливания. Прежняя вечно разбитая дорога ещё до войны сменилась отличным шоссе, по которому потянулись вперемишку грузовики и ломовые извозчики. Последних с каждым годом становилось всё меньше: и двигались они медленнее, и тащили меньше. К тому же лошади пугались дирижаблей, да и их хозяева до сих пор тревожно крестились, поглядывая на небесных великанов. Зато толстые блестящие жуки с дощато-полосатыми крылышками кузовов, каковыми сверху казались машины, исправно сновали по дороге в обоих направлениях. Неприхотливые, современные, по-своему даже красивые...

Нынешний граф Гурьев не был таким же поклонником и идеалистом прогресса, как его отец, мечтавший о том, что техника сделает людей счастливее и оттого – лучше. Однако не был Филипп и замшелым пнём, погрязшим в древних книгах и черепках, каковым его рисовали некоторые недалёкие светские болтуны. Он считал глупым цепляться за вещи, явственно отжившие своё, и достижения науки и техники не отрицал, даже умел водить автомобиль. Но... лошадей всё же любил больше.

Пулковский воздушный порт Гурьев знал отлично. Приходилось часто путешествовать – и по империи, и за границу, да и некоторые ценные грузы нелишне было встретить самому, притом совсем не обязательно связанные с археологической страстью. Иной современный станок, привезённый откуда-нибудь из Германии, при своём внушительном весе был не менее хрупким и капризным, чем древняя амфора, и требовал бережного обращения.

Заглядывал Филипп и в местную обсерваторию – из одного только природного любопытства. Астрономией он не увлекался, но с детства не мог найти ответа на вопрос, занимавший не одного его: зачем было строить обсерваторию вблизи Петрограда, небо над которым почти круглый год затянуто облаками?

Логику поступка он, конечно, понял ещё тогда – научная мысль сосредотачивалась возле столицы, зачем далеко ездить, – но принять её не мог до сих пор. Куда ближе и понят-

нее ему был поступок Мальцова, построившего свою астрофизическую обсерваторию под Симеизом. Вот откуда хорошо наблюдать небо, так это с берегов Таврии! И дело совсем даже не в предвзятости и любви Филиппа к тем местам, а в обыкновенной чистоте неба. Там и ясных ночей куда больше, и коптящих заводов почти нет.

С вышки, откуда сейчас грузили в дирижабль всё необходимое, открывался пасторальный вид на живописную равнину. Вон там тусклый и бледный квадрат скошенного луга, а в другом месте земля подёрнулась пушком озимых, настолько пронзительно-зелёным, что невольно тянет улыбаться от одного только взгляда. А вон в лесу уже золотится дымка скорой осени.

Внизу ветер казался слабым, а здесь задувал нешуточно, вынуждая надвигать пониже кепку и поднимать воротник плаща. Но всё равно Филипп был искренне благодарен столице за такие проводы: развиднелось, дождь унялся ещё третьего дня и прозрачный осенний воздух пах приятной прелой горечью. Чудеса всё-таки: листья ещё только начали опадать, а ветер несёт привет из скорого будущего.

– Филипп Осипович, а вы что там стоите? – заметил его капитан, руководивший погрузкой. По сходням как раз за-таскивали последний ящик, и Дедушкин окинул орлиным взором площадку – не забыли ли чего.

– Стараюсь не мешаться под ногами, – с улыбкой приблизился Гурьев. – Меня уже как-то отругали, что пассажирам

до особого приглашения к трапу даже соваться нельзя. Тем более вылет только через час, больше никого на посадку не приглашали, это я просочился под видом груза...

– Похвальная предусмотрительность, – рассмеялся капитан. – Да теперь уж погрузка кончена, проходите. Не стоять же вам здесь полчаса.

Для своей широкой славы и громкого, зычного голоса Максим Сергеевич Дедушкин имел удивительно неказистую наружность. Лет ему было около пятидесяти, ростом едва доставал долговязому Гурьеву до плеча. С жидкими усиками, залысынами на висках и затылке, с редкими короткими полуседыми светло-русыми волосами, сложения самого заурядного – худощавый с наметившимся брюшком. Трудно было поверить, что в таком сосуде – встретишь на улице и взглядом не зацепишься – уместается столько силы, воли и мужества. Но стоило немного поговорить, и человек думающий и слышащий не мог не попасть под его обаяние.

Филипп поблагодарил за приглашение, но на трап ступить ещё не успел: навстречу скорым шагом выскочила... барышня.

– Здравствуйте! – кивнула она графу и поспешила оправдать своё появление: – Максим Сергеевич, я, пока время есть, хотела за метеосводками свежими сбегать. Над Смоленском гроза была сильная, узнать бы, куда её сдуло.

– Дело хорошее, – похвалил он. – Знакомьтесь, это...

– Благодарю, мы представлены, – заверил Филипп и

неловко склонился поцеловать барышне руку. – Я вас отлично помню, прекрасная Елена!

– Выходит, не отлично, Филипп Осипович, я ведь не Елена, – рассмеялась она.

– О да, разумеется, я не это имел в виду, – совсем смутился он. – Вы Титова Ольга Ильинична. Простите, это была попытка сделать комплимент. Елена Троянская, прекраснейшая из женщин...

– Ах вот вы о чём! «Илиада», Гомер, а как же, – с облегчением улыбнулась Ольга. – Стыдно признаться, но всё, что я помню сейчас о Трое, – это то, что её раскопал Шлиман... Что с вами? – опешила она, потому что графа нешуточно перекосило, словно хлебнул хины.

– Заклинаю, не произносите этого имени! – взмолился Филипп. – Это... Это! Он её не нашёл, он едва её не уничтожил! Вор, подлец и варвар! – С трудом, но он всё-таки справился с гневом. – То, что этот безграмотный бездарь натворил, навсегда войдёт в историю как одна из её трагедий!..

– Простите, – повинулась Ольга. – Я непременно выслушаю, что он там натворил, но сейчас вынуждена вас покинуть, дела служебные...

– Ох, да, простите, не смею дольше отвлекать! – Гурьев поторопился освободить дорогу и проводил раздосадованным взглядом барышню, которая спешила к лестнице, придерживая одной рукой пилотку.

Он никогда не умел очаровывать дам, но сейчас, кажет-

ся, провалился с особенным треском. Надо же было не смолчать... «Выразил восхищение, олух!» – печально укорил он себя.

Ольгу Титову Филипп прекрасно помнил – как можно такую забыть! Редкий случай, когда светские болтуны говорили чистую правду: она заслуженно считалась первой красавицей Петрограда, ну или уж точно одной из первых. Блестящие тёмные волосы, лучистые карие глаза, точёные черты лица. А эта улыбка, эта грация... Строгий покрой лётной формы подчёркивал красоту девушки, кажется, лучше любого вечернего туалета.

Ветер дёрнул было её за волосы, но не сумел одолеть тугой пучок, поэтому в отчаянии набросился на подол. Добыча тоже оказалась строптивой и скучной: юбка до середины лодыжки, но из плотной ткани и лишь немного расклёшенная, так что и не задрать при всём желании, хозяйка могла о ней не беспокоиться. Невысокие каблуки звонко и дробно застучали по жестяной лестнице в центре башни.

– Филипп Осипович, идёте? – посмеиваясь в усы, окликнул его Дедушкин. Конечно, он не мог не заметить, как краснел и бледнел граф при виде Титовой, но не хотелось ещё больше его смущать. – Ольга – наш второй штурман, – сказал он, когда Гурьев отмер, пробормотал что-то виноватое и всё-таки ступил на трап. – Весьма толковая барышня.

– Удивительно... – вздохнул Филипп.

– Что толковая? – всё же не сдержался капитан от поднач-

ки.

– Нет, что вы! – снова смутился граф. – Неожиданно было встретить её здесь. Не знал, что она служит на дирижабле... Может, стоит передать вниз, что погрузка окончена? – поспешил он сменить тему.

– Не волнуйтесь, все и так видят.

Этот грузовой дирижабль был заметно меньше и проще огромных трансконтинентальных цеппелинов, да и условия на борту предлагал куда более стеснённые. Никаких роскошных покоев и салонов, эффектных обзорных площадок и прогулочных палуб, всё свободное пространство отведено под грузы. У экипажа имелись каюты, но весьма скромные, жили в них по четверо – не считая, конечно, капитана и его помощника, которым полагались отдельные. Пара таких же имелась в запасе для пассажиров, но большинству предстояло спать в тёплом трюме, и первым делом Гурьев пошёл проверить условия, в которых намеревались разместить людей. Оказалось весьма прилично: имелись матрацы и подушки, да и полки, на которых их разложили, неплохо заменяли койки.

Помимо охраны, Филипп решил взять с собой бригаду толковых землекопов из десяти человек. Смирнов писал, что местные отказывались работать, и чем уговаривать суеверных деревенских жителей, проще было сразу договориться с теми, чья твёрдость духа не вызвала сомнений. Конечно, привезти можно было и поближе, хотя бы даже из Севастополя или русских деревень, но Гурьеву оказалось проще отыс-

кать нужных людей в Петрограде.

Познакомили графа и с командой, в которой Титова оказалась не единственной дамой. Компанию ей составляла старший механик-вѣщевик Парфёнова Надежда Васильевна, крупная добродушная женщина, и Солянкова София Николаевна, служившая поваром и то ли в пику, то ли благодаря профессии – худощавая и строгая. Обeim было около пятидесяти, они явно дружили и, как успел Гурьев понять из разговоров, служили вместе уже много лет, даже повоевать довелось. Капитана они тоже знали долго и как будто даже участвовали в том легендарном переходе, но к слову не пришлось, а уточнять детали Гурьев постеснялся.

Дедушкин радушно пригласил графа на экскурсию в рубку, где вовсю шли последние предполётные приготовления. Участвовали в них и Парфёнова, и Титова, и хотя Филипп не упустил случая немного полюбоваться барышней – изда-лека, не мешаясь под ногами, – но надолго задерживаться не стал. В каюте спокойнее и надёжнее: меньше лишних соблазнов и неуместных мыслей. При красавице он отчаянно робел и чувствовал себя ослом. Спасибо её доброму нраву, дразнить смущённого графа Ольга себе не позволяла, но ему от этого было не намного легче.

* * *

Про Гурьева болтали всякое. В свете он появлялся край-

не редко, и в основном там, куда Ольгу не звали: для попадания в подобное общество требовалось что-то ещё, помимо дворянского происхождения. Огромное состояние, титул или хотя бы обширные связи, а ничем подобным маленькая семья Титовых похвастаться не могла. Все трое были слишком заняты попеременно учёбой и службой, чтобы иметь возможность поддерживать знакомства, благо сейчас карьера строилась не одними только словами покровителей и высших чинов.

Войны – зло, однако именно они от века к веку заставляли страну меняться и перестраиваться. Такова человеческая природа, что без потрясений и вызовов он начинает хиреть, жиреть и терять хватку. Так было всегда и, наверное, будет впредь. Ольга искренне надеялась, что когда-нибудь люди станут иными, станут подлинными христианами не по букве – по духу, однако хватало рассудительности принять, что всё это будет не на её веку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.